

Научный дебют

Scientific debut

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.671-686>

EDN: UCDCTQ

Изменение цивилизационного пространства Восточной Европы вследствие нашествия гуннов: культурно-геополитические предпосылки формирования славянской этнической доминанты как фактора зарождения российской государственности

Д.И. Манаширов

Пятигорский государственный университет

Пятигорск, Российская Федерация

daniilpaleontolog@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена комплексному исследованию гуннского нашествия как ключевого фактора трансформации этнополитической картины Восточной Европы. Актуальность исследования обусловлена несомненностью гипотезы о глубинных причинах упадка античных структур региона и последующего возвышения славян. Цель исследования состоит в выявлении механизмов взаимовлияния гуннской инвазии, дезинтеграции полиэтнических сообществ и последующей консолидации восточных славянских племён. Объектом исследования выступают процессы разрушения полигнических общностей, миграции кочевых и оседлых племён. Методология основана на сравнительном анализе археологических данных, письменных источников и историографических концепций. Результаты исследования показывают, что нашествие гуннов привело к серьёзным последствиям: к разгрому аланов и готов, разрушению торговых путей и городов, распаду археологических общностей и формированию «культурного вакуума» в Донеднепровье. Это уничтожило связи римского влияния в регионе и античные полигнические структуры, но создало условия для возникновения протогосударственных объединений восточных славян. Культурный синтез с варягами и наследие дунайских культур заложили основу Древней Руси. Легенды о прародителях-основателях свидетельствуют об осознании славянами общего происхождения. Выводы подчёркивают переломную роль гуннского нашествия в становлении российской государственности. Существенным обстоятельством в консолидации славян сыграла их относительная изоляция в зоне. Длительное нахождение восточных славян в окружении волн кочевников (гунны, авары, булгары) с одной стороны, угрожало разорением и ассимиляцией, а с другой, стимулировало внутреннюю сплочённость и независимое развитие.

Ключевые слова: государственность, племенной союз, нашествие гуннов, славяне, готы, Древняя Русь, архетип, черняховская культура.

Для цитирования: Манаширов Д.И. Изменение цивилизационного пространства Восточной Европы вследствие нашествия гуннов: культурно-геополитические предпосылки формирования славянской этнической доминанты как фактора зарождения российской государственности. *Историческая этнография*. 2025. Т. 10. № 4. С. 671–686. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.671-686> EDN: UCDCTQ

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке и под руководством доцента кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета, кандидата исторических наук Гетмановой Елены Сергеевны. Автор признателен за предоставленные рекомендации по литературе и методологии исследования.

**Change in the civilizational space of Eastern Europe due to the invasion
of the Huns: cultural and geopolitical prerequisites for the formation
of the Slavic ethnic dominance as a factor in the emergence of Russian statehood**

D.I. Manashirov

Pyatigorsk State University

Pyatigorsk, Russian Federation

daniilpaleontolog@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the Hunnic invasion as a key factor in the transformation of the ethno-political map of Eastern Europe. The relevance of the research is determined by the need to understand the underlying causes of the decline of the region ancient structures and the subsequent formation of the Slavs. The purpose of the study is to identify the mechanisms of mutual influence of the Hunnic expansion, the disintegration of multiethnic communities and the subsequent consolidation of East Slavic tribes. The object of the study is the processes of destruction of multiethnic communities, migrations of nomadic and settled tribes. The methodology is based on a comparative analysis of archaeological data, written sources, and historiographical concepts. The results of the study show that the invasion of the Huns led to serious consequences: the defeat of the Alans and Goths, the destruction of trade routes and cities, the disintegration of archaeological communities and formation of a 'cultural vacuum' in the Dnieper region. This destroyed the ties of Romanium in the region and the ancient multiethnic structures, but created the conditions for the emergence of proto-state associations of the Eastern Slavs. Cultural synthesis with the Varangians and the legacy of the pre-Hunnic cultures laid the foundation of Ancient Rus'. The legends about the founding ancestors testify to the Slavs' awareness of their common origin. The conclusions emphasize the crucial role of the Hunnic invasion in the formation of Russian statehood. An essential factor in the consolidation of the Slavs was their relative isolation in the forest area. The prolonged presence of the Eastern Slavs surrounded by waves of nomads (Huns, Avars, Bulgars), on the one hand, threatened ruin and assimilation, and on the other, stimulated internal cohesion and independent development.

Keywords: statehood, tribal union, invasion of the Huns, Slavs, Goths, Ancient Rus', archetype, Chernyakhovskaya culture.

For citation: Manashirov D.I. (2025) Change in the civilizational space of Eastern Europe due to the invasion of the Huns: cultural and geopolitical prerequisites for the formation of the Slavic ethnic dominance as a factor in the emergence of Russian statehood. *Istoricheskaya antropologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 4: 671–686. <https://doi.org/10.22378/he-2025-10-4.671-686> (In Russ.)

Acknowledgements. The research was carried out with the support and under the guidance of Associate Professor of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology of Pyatigorsk State University, Candidate of Historical Sciences Getmanova Elena Sergeevna. The author is grateful for the recommendations provided on the literature and research methodology.

В IV в. н. э. Восточно-Европейская равнина подверглась сношению и разорению кочевых племен гуннов. Самой вредной ветвей происхождения этой этнической группы является точка зрения о синтезе племенного союза хунну с алтайским-туркским элементом. Византийский историк и писатель VII в. н. э. Феофилакт Симокатта приводит следующие сведения: «Захватив с собой самого видного из своих друзей, то есть, он направился к племени гуннов, которых наша история неоднократно называла тюрками» (Феофилакт Симокатта, 1957: 102). Феофилакт пишет, что персы обожествленно называют их тюрками» (Феофилакт Симокатта, 1957: 77). Так, ещё с давних времён была известна этническая принадлежность восточных кочевников.

Поражение в хунно-китайских войнах, частичная ассимиляция и истощение пастбищ привели к активной экспансии гуннов на запад. В поисках благоприятных кочевий гунны сошли большой путь, прибегая к грабежу и разорению оседлого автохтонного населения. Дойдя до Восточной Европы, они в 372 г. нанесли первый удар. Гунны атаковали периферийные группы аланов, контролировавшие путь между Волгой и Доном (Березовец, 1970: 15). Кочевникам удалось успешно форсировать Волгу. Обратив в бегство противника, они обесценили свой тял, что позволило облегчить задачу достижения стратегического преимущества в намечавшемся наступлении. В 375 г. гунны под предводительством Баладега переправились через Дон в его нижнем течении, в скифии остготов (Гузецов, 1992: 63). Племенной союз остготов во главе с Германаром был разбит. Такой маневр открыл дорогу завоевателям на юг – на Кавказ. Одна часть гунской орды, пройдя через приазовские степи на Таманский полуостров, переправилась через Керченский пролив и опустошила огнём и мечом европейскую часть Боспорского царства (Гайдукевич, 1949: 479). Другая часть в IV в. н. э. закрепилась на территории Северного Дагестана, давав там гунское царство (Артамонов, 1962: 181–192). Степи Предкавказья севернее и северо-западнее Дагестана были заняты гуннами-савирами, которые в VI в. н. э. активно участвовали в ирано-византийских войнах в Закавказье. Таким образом, основные аланские земли Центрального Предкавказья и вся территория Причерноморья оказалась под контролем гуннов.

Готы были вынуждены мигрировать в Крым и далее на запад. Новый готский правитель Винитарий сразился с гуннами в битве на реке Эрак (р. Днепр), потерпев поражение. Историк Иордан в трактате «О происхождении и деяниях гетов» пишет: «В третьем сражении, когда оба [противника] приселились один к другому, Баламбер, подкравшись к реке Эрак, пустил стрелу, ранив Винитария в голову, убил его» (Иордан, 1960: 115). Это событие имело серьёзные последствия. Остготы и вестготы начали отступление во Фракию, а к 376 г. гунны достигли восточной границы Римской империи (Кузинщо, 1992: 64).

Последствия гуннского нашествия оказались истине тектоническими. Сокрушенные гуннами аланы, германские и скандинавские племена оказались вовлечёнными в Великое переселение народов, организованное кочевниками с Востока. Торговые маршруты на Северном Кавказе и Причерноморье, связывавшие античный мир с Азией, перестали существовать или стали крайне опасными для караванов. Упадок товарооборота, нарушение поставок зерна и других ресурсов из черноморских провинций или одной из существенных, хотя и не единственной, причин ослабления и последующего падения Западной Римской империи, и без того испытывавшего колоссальное давление варваров, спровоцированных гуннским нашествием. Гунны не просто уничтожали города и селения; они разрушали саму инфраструктуру римского влияния в регионе, подрывая экономические основы империи.

Роль черняховской археологической культуры входящих в неё этнических групп

Крупным полизначным образом считают ту эпоху являлась группа носителей черняховской археологической культуры. Этнический состав данной общности остаётся спорным. Существует мнение, что в её состав входили сарматы, готы, славяне, формируя макролитическое образование. В.Д. Баран считает, что памятники черняховского времени не составляют единого целого, поэтому попытка связать их с какой-нибудь одной этнической группой (славянами или германцами) второй четверти I тысячелетия заранее были обречены на неудачу (Баран, 1970: 11). Существует точка зрения о чёткой территориальной дифференциации полизначного населения черняховской культуры. М.А. Тиханова, говоря об этническом многообразии черняховской культуры и ее принадлежности скифо-сарматским племенам на востоке, гето-фракийским на западе в Поднестровье и славянским на северо-западе в Волыни, выделяет локальные варианты (Тиханова, 1957: 190–194). Но эта позиция, однако, в недостаточной степени доказана археологическими изысканиями. Данную культуру принято относить к провинциально-римской. В нач. III в. н. э. римляне продвинулись в Причерноморье; к сер. II в. н. э. они овладели Ольвией, тесно связанной с Поднепровьем. Широкое хождение римского денария среди «черняховцев» – яркое свидетельство их вовлеченности в экономическую систему империи и процесс латинизации. Боспорское царство через торговлю приобщало носителей черняховской культуры к благам цивилизации.

Важным городом причерноморской греческой державы был Танаис, расположенный в устье Дона. Являясь самой северной колонией греков, он был ближе всего к «варварскому миру» и, как следствие, население этого эмпория имело значительный сарматский элемент, сохраняющий черты черняховской культуры. В сер. III в. н. э. Танаис был разрушен готами в серии походов на Римскую империю. Д.Б. Шелов отмечает, что город восстановился в последние четверти IV в. н. э. (Шелов, 1972: 307). Танаис частично возвращает статус центра земледельческого и ремесленного производства, просуществовав благодаря эллинизированым сарматам до нач. V в. н. э. Мария Гимбутас справедливо замечает, что «черняховская культура представляла собой самодиное явление, возникшее в результате взаимодействия многих компонентов. Она могла развиваться только при условии единой политической власти, процветающей торговли, развитого производства, постоянной подпитки новыми элементами из Римской империи, смешения южных, западных, северных и восточных влияний». Но в то же время она полагает, что после произошедших поисланий славяне заняли территории черняховской культуры, принеся с собой свою культуру. Та культура не только выжила, но и распространилась, попадающие в неё на запад, юг и север. М. Гимбутас считает, что «даже самые более ранние славянские находки, извлечённые из-под руин, не могут относиться к классическому черняховскому комплексу. В них видно влияние традиций раннего железного века, которые чётко прослеживаются на изолированных территориях в эпоху сарматского, зарубинецкого (западнобалтийского) и варварского завоеваний» (Гимбутас, 2007: 90–91). Тем самым исследователь отрицает неоднозначное вхождение праславянских групп в черняховскую культуру и показывает важность докунинских «завоеваний» славян. Утверждение об отсутствии ярко выраженных славянских черт в материальной культуре черняховцев и отсутствие преемственности в последующих, уже относящихся к славянам археологических культурах, говорит как раз об активных интеграционных процессах, противоположных изоляционным. Именно они же позволили на том этапе сформировать славянскую самобытную культуру. Одна из намёки на варварский характер взаимоотношений между славянами и готами встречаются у Зосима и весьма преувеличены. Не исключено, что имела место зависимость отдельных групп. По мнению И.В. Зиньковской, держава готов стремилась превратить в «масштабы суперсложного вождества» (Зиньковская, 2011: 7). Скорее могла идти речь о торговых контактах и культурном обмене между племенными группами.

Более важно то, какое самоназвание имели племена-носители черняховской археологической культуры. Византийский историк Зосим упоминает на-вороанов (воранов), которые занимались морским и сухопутным грабежом Римской империи. Он рассуждает о деградации вертикали власти государства и чиновниках, неспособных «защитить государство» из-за того, что «их интересы были ограничены лишь городом Римом». Зосим пишет: «Готы, бораны, уругунды и карпы немедленно разграбили города Европы, захватив всё ценное, что в них еще оставалось» (Зосим, 2010: 74). Такая ситуация усугубляла и без того

тяжёлое положение Рима. Проживание боранских и иных малоизученных племён в Северном Причерноморье вдоль р. Днепр даёт возможность предположить об их принадлежности к черняховской культуре. По-прежнему нерешённым остаётся вопрос о родственности боранов по отношению к другим группам. Существуют версии о германском, «скифо-сармато-аланском» и даже славянском происхождении (Schmidt, 1934: 210). А.Д. Удальцов помещал раннеславянское население III в. н. э. в Среднем Поднепровье – районе будущего расселения полян. Апеллируя к исторической этнонимии бораны (борады) и топонимике «Боричев увозд» под Киевом, он выдвинул гипотезу о прямой этногенетической связи боранов (борадов) с летописными полянами. Так, боруски, бораны, борады обозначены как будущие поляне (Удальцов, 1946а: 43; Удальцов, 1966: 49). Однако стоит отметить дискуссионный характер этой гипотезы из-за недостаточной аргументации. Проблема существования варварских культур без письменности затрудняет исследование этнокультурного пространства того или иного географического региона. Не стоит исключать возможность принадлежности боранов к праславянам, но данный вопрос требует более детального изучения.

В кон. I тыс. до н. э. и в нач. I в., на протяжении столетий балты, славяне и германские племена проживали через болотистое соседство, что приводило к интегративным культурным процессам (Третников, 1970: 25). Разнообразная по этническому составу черняховская общность была одной из выдающихся в развитии материальной культуры. Основной ареал распространения черняховской культуры охватывает территорию от верховьев Днепра и притоков Припяти на северо-западе до нижнего течения Днепра на северо-востоке. В этот период славянский компонент испытывает культурное влияние ираноязычных сарматских племён, что, однако, никак не способствовало развитию идентичности. Д.Т. Березовец утверждает, что «на территории Среднего Поднепровья черняховская культура исчезла не позднее к V в., возможно, сохранившись несколько дольше в более западных районах. Событие это связывается с гуннским нашествием. Гуны частично уничтожили население лесостепи, частично заставили его уйти со своих насиженных мест». Таким итогом, «население Поднепровья становится очень редким. На территории, ранее густо заселенной племенами черняховской культуры, создается своеобразный вакуум, частично заполненный передвижением населения из более северных районов. В этих условиях исчезает внутренний рынок, прекращается внешняя торговля, перестает поступать, римская монета, исчезают ремесла, прекращается производство гончарной посуды» (Кодзюев, 2016: 15). Создаются предпосылки этногенеза славян.

Ранние формы протогосударственных формирований

После разорения гуннами степей, лесостепей Восточной Европы и периода упадка начинается процесс складывания славянских племенных союзов. Б.А. Рыбаков замечает, что славяне фигурируют в источниках не ранее времени великого расселения славян в VI в. (Рыбаков, 1979: 200). В VIII в. возникают

протогосударственные формирования. Куювия – южный союз во главе с полянами в центре в Куюве (Киеве). Славия – северный союз во главе со словенами в центре в Славе (Салаве) (Новгороде, Ладоге). Арсания – союз, чьё местонахождение наиболее спорно, с центром в Арсе (Рязани, Черногорье или Тмутаракани). А.Ф. Студенцов отождествляет Арсу с библейской страной Арсарет (Студенцов, 2006: 49). А.М. Карасик интерпретирует «Артагар» как угорское выражение «страна на запоре» (Карасик, 1950: 304–305). Схоже видится позиция О.Г. Большакова, который предполагает, что Арса не «была» на территории славян и, вероятно, связана с этнонимом Эрзя (Арзас) (Большаков, 2006: 751). Е.В. Кирсанов подчёркивает, что в современной историографии наблюдается возрождение концепции, рассматривающей центра русов как реальные географические объекты (Кирсанов, 2018: 65). Тем не менее стоит учесть гипотетичность существующих в науке отождествлений с Арсарией (Артагарией), что не позволяет выделить наиболее правдоподобную версию. Да и не наименования трёх терриориально-политических объединений, племенные упоминаются в сочинении арабского учёного-географа пер. с араб. Х в. Абу Исаха Ибрахима ибн Мухаммада аль-Истахри в «Книге путей и государств»: «Арсы три вида (ас-наф). Один из них – самый близкий к Булгару, их царь находится в городе, называемом Куйаба, который больше, чем Булгар, и вид, находящийся выше них, называющийся ас-Сильвии, их [главного] город; и вид, называющийся ал-арсанийа, а царь их называет Арса, их [главного] городе. Люди, торгуя с ними, достигают Куйабы и Сильвии. Что же касается Арса, то я не слышал, чтобы кто-нибудь упоминал, что в неё входил туземец, потому что они убивают каждого, кто ступает на их землю из чужестранцев. Они [сами] отправляются по воде и торгаю, но ничего не сообщают об их делах и торговле и не упоминают ни о ком, кто имел бы с ними дело. А вывозят из Арса чёрных соболей и чёрных лис, свинец и немногую ртуть» (Большаков, 2006: 751). Географический трактат ибн. Х в. «Худ аль-алам» даёт представление о границах расселения различных племён, в том числе восточных славян. Неизвестный персидским автором сочинение « помещает в бассейне Дона все три главные города русов: Уртоба (Арта), Сала (Салава) и Куюту (Куюбу) (Бартольд, 1940: 27).

П.И. Толочко отмечает, что «об активных процессах политической консолидации восточных славян» – «действует рождение новой формы их поселений – "градов"» с развитым ремесленным производством (Толочко, 2023: 275). Ранние «грады» были, в первую очередь, административными (политическими) средоточиями племён или союзов племён, а также военными крепостями в пограничных районах. Типологически эти формирования были «очень близки между собой и во всех случаях являлись точками роста восточнославянской государственности» (Толочко, 2023: 163). Особо укреплённые поселения становились безопасным местом для ведения ремесленной и хозяйственной деятельности. Близлежащие земли с проживающим на них населением могли рассчитывать на покровительство и защиту взамен на лояльность. Грады могли осуществлять контроль над торговыми путями. Выступая в качестве своеобразных таможенни-

ков, они взимали пошлины с проезжающих через окрестные территории иноземных купцов. Интересным видится представленный выше фрагмент из «Книги путей и государств», дающий сведения об активной торговле на территории русов, и лишь Арса (Арсания) обозначена как закрытое и недоступное для иноземцев место. Так, арабские источники выделяют по меньшей мере два центра (Куявию и Славию) с наибольшей логистической доступностью и военной силой, позволяющей направлять вектор развития экономических связей в регионе, что является проявлением ранней формы государства. Таким образом, существование протогосударств подтверждается вос точными источниками и свидетельствует о процессах становления морального этнокультурного пространства с незначительными регионально-плоскими вариациями. Однако вопрос географического расположения остаётся предметом дискуссии.

Этногенетические мифы, легенды и религиозные представления как показатели интеграции

Лех, Чех и Рус – персонажи одной из наиболее известных и распространённых легенд о трёх славянских братьях-основателях их народителях, соответственно Чехии, Польши и Руси. Три легендарных брата упоминаются в Великопольской хронике, составленной в нач. XIV в. Легенда гласит, что братья во время охоты погнались за разбойной добычей, таким образом, отправились (и поселились) в разные направления. Лех – на северо-запад, Чех – на запад, а Рус – на северо-восток. Разделившись, они поселились на трёх землях.

Чешский источниковед Г. Добнер оставил несколько фрагментов из рукописи Великопольской хроники, обнаруженной в библиотеке выдающегося чешского гуманиста XV в. Яна Годлевского. Этот кодекс не был известен силезскому историку-краеведу Ф. Соммерсбергу и отличался от напечатанного им текста. Так, в прологе хроники, перепечатанном Добнером, отсутствовало предание о Лехе, Чехе и Русе, подчёркивающее историческую общность чешского, польского и русского народа. По мнению Добнера, Соммерсберг составил легенду о трех братьях под влиянием сведений о Чехе и Лехе, имеющихся в стихотворной хронике Далимила – первой исторической хроники на чешском языке. Так как время сочинения «чинения» Далимила определяют 1308–1314 гг., то указанный текст Великопольской хроники мог возникнуть только позднее – в XIV в. (Великая хроника..., 1987: 12–13). Пролог Великопольской хроники посвящён происхождению и расселению славян. Автор излагает легенду о трех братьях: Лехе, Русе и Чехе, которые, «умножась в роде», владели и будут владеть тремя королевствами: лехитов, русских и чехов (Великая хроника..., 1987: 23). В прологе Великопольской хроники написано: «От этих паннонцев родились три брата, сыновья Пана, владыки паннонцев, из которых первенец имел имя Лех, второй – Рус, третий – Чех. Эти трое, умножась в роде, владели тремя королевствами: лехитов, русских и чехов, называемых также богемцами, и в настоящее время владеют и в будущем будут владеть, как долго это будет угодно божественной воле; из них наивысшей властью и господством во всей империи всегда

обладали лехиты, как это яствует из хроник и из их территории. У славян существует большое разнообразие в языках и в то же время они понимают друг друга, хотя в некоторых словах и в их произношении существуют, по видимому, некоторые различия. Языки эти берут начало от одного отца Слава, оттуда и славяне (Slavs) они и до сих пор не перестают пользоваться этим именем, например, Томислав, Станислав, Янислав, Венцеслав и др.» (Великая хроника..., 1987: 52–53). Существование архетипа легендарного праотца, предка-праордителя свидетельствует о понимании славянами своего общего происхождения.

В. Л. Янин отмечает, что «автора Великопольской хроники можно считать «создателем» Руса – прародителя и эпонима народа народа. Таким образом, именно на польской почве окончательно оформляется традиция, свидетельствующая о давнем родстве чехов, поляков и русских народов, которых хронист выделяет из остальных славян» (Великая хроника..., 1987: 24). Из всего выше перечисленного следует, что легенда предполагает общее происхождение поляков, чехов и русинов (эндоэтническим жителем Руси): в последующем русских, белорусов, украинцев и иллюстрирует тот факт, что уже в XI–XII вв. по крайней мере три разных славянских народа обосновали свою этническую и языковую взаимосвязь. Т.И. Алексеева указывает на преемственность для следующих этнических и территориальных групп Древней Руси: борусы – дреговичи, радимичи и западные кривичи; украинцы – сиверцы, уличи, древляне, волыняне, поляне; русские верховьев Десны – северяне (Алексеева, 1969: 59). Литературный памятник показывает, что родина древних славянских народов находится в Восточной Европе. Эта область совпадает с регионом, который, согласно курганный гипотезе М. Гимбутас был праиндоевропейской родиной в общем регионе Балтийско-Черноморской степи. Хотя локализация собственно славянской прародины (между Одером и Днепром, к северу от степи) остаётся предметом научных споров сторонников разных вариаций миграционной и автохтонной теорий.

В.А. Рыбаков считает, «что I тыс. до н. э. было временем расцвета праславянского матриархального божества. Древние культуры женских божеств продолжали существовать, но социальное развитие, усиление власти вождей, содействовавшее созданию славянского Олимпа с мужскими божествами во главе» (Рыбаков, 1994: 604). «Сын князя Владимира возглавлял Перун, но Е.А. Аничков убедительно доказал, что выдвижение Перуна на первенствующее место связано с процессом рождения государственности Киевской Руси и не уходит в первобытность» (Рыбаков, 1994: 603). Летописец Нестор упоминает, что все славянские племена «имели обычай и законы своих отцов и предков и каждые – свой нрав». Согласно Повести многие племена «имели одинаковый обычай: жили в лесу, как звери, если все нечистое и срамословили при отцах и при снохах» (Повесть временных лет..., 2014: 63). Таким образом, в религиозном отношении славянские племена следовали традициям почитания предков и их образа жизни.

Немало важным аспектом является факт поклонения персонифицированному образу небесного огня – Перуну (у балтов Перкунас). Следить скандинавского Тора и славянского Перуна в роли громовержцев позволяли варягам наладить контакты с русами. Русский историк В.Н. Татищев приходит интересный перевод фрагмента «Повести временных лет»: «Рохвold, бывший от пришедших князей из Варяг с Рюриком и имел во владении Полотск, а Тур был князь в Турове, от которого и град Туров именован» (Татищев, 1773: 57). Рохвold (Рогволд) и Тур (Тор) – два персонажа, исходя из имен, скандинавского происхождения. Имя Рогволд является славянизированным вариантом скандинавского «Rögnvaldr». То же самое Тур – «Фор» (Мельникова, 2011: 46). Степень историчности Тура под вопросом, так как можно проследить аналогию с разобранным ниже Киевом – одним из гипотетических оснований для Киева. Если же признать интерпретацию летописного текста В.Н. Татищевым достоверной, то любопытной деталью становится наличие первоначального языческого статуса Рогволда. Придя на земли славян (будучи князем представителем знати), он сохранил и возможно приумножил свой прежний, если такой статус в качестве правителя русского города. Кроме того, существует свидетельство о послах-дружинниках скандинавского происхождения, принявших Перуна как аналогичного Тору бога. Из упоминания о событии заключения русско-византийского мира 907 г.: «Олег же, много отойдя от города, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром, и послал к ним в город Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рула и Стемида со словами: "Платите мне дань"»... «Царь же Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязавшись платить дань, и приносили венец, присягу: сами коловали крест, а Олега с мужами его заставляли присягать по закону русскому, клялись оружием своим и Перуном, их богом, и Волосом, богом счастья, и утвердили мир» (Повесть временных лет..., 2011: 175). Как видно из отрывков, норманны приняли славянского языческого Перуна в качестве верховного бога. Подобное возможно при условии восприятия единой сути Тора и Перуна. Условный переход в другую политическую религию мог быть не столь затруднителен у заморских наёмников благодаря отождествлению своих божеств со славянскими. Схожая картина часто наблюдалась в военномействии скифов и греков, где последние трактовали многих скифских божеств как своих, считая отличием только лишь «варварские» имена. При подобных процессах характерен синтез образов аналогичных божеств у контактирующих этносов, но из-за скудных свидетельств о славянском язычестве сложно говорить о степени проникновения религиозных скандинавских элементов. Благодаря во многом общим мировоззренческим нормам выходцы из северных морей легко влились в восточнославянскую общность, сыграв значимую роль в формировании государственности.

Нестор в Повести излагает миф об основании Киева – важнейшего города Древней Руси. Летописец пишет: «Жили каждый со своим родом по своим местам и странам, владея каждый родом своим. И было три брата: одному имя Кий, второму же имя Щек, третьему же имя Хорив, а сестра их Лыбедь. И сидел Кий

на горе, где ныне въезд Боричев, и жил с родом своим, а брат его Щек на другой горе, прозвавшейся от него Щековицей, а третий – Хорив, от которого прозвалась Хоривица. И построили городок во имя старейшего брата, и назвали его Киев» (Повесть временных лет..., 2014: 61). Данный отрывок показывает попытку автора объяснить этимологию названий районов города. В.Я. Петрухин подчёркивает «топонимическую основу киевской легенды» (Петрухин, 2014: 84). Историчность существования этих братьев стала же легендарна, как и упоминание Леха, Чеха и Руся в западнославянских источниках. Однако данный сюжет прослеживается не только в культуре славян. Геродот описывает трёх братьев: Липоксая, Арпоксая и Колосая – сыновей предродителя скифов Таргитая. «От Липоксаиса, как говорят, произошло самое племя, называемое авхатами, от среднего брата – племя катиаров, от старшего – племя, а от младшего из братьев – царя – племя паралатов. Все племена вида назывались скотами, т. е. царскими» (Геродот, 1972: 188). Данный этногенетический миф служит подтверждением существования единого культурного пространства в додуннское время. Вероятно, именно эпические традиции ираноязычных народов степей повлияли на позднейшее оформление славянских легенд о предродителях. Скифский мир объединял разные этнические группы, живущих схожим образом. Изначально являясь кочевым ираноязычным варварами кластером, он становился всё более дифференцированным благодаря греко-риксскому влиянию, переходу некоторых групп к оседлому образу жизни. У представителей восточных славян утвердилось этническое самосознание благодаря длительному развитию единой религиозно-мифологической картины мира враженной, в первую очередь, в наличии общего верховного божества Перуна и этногенетического мифа о трёх братьях в рамках архетипа предка.

*Катаклизм: автор этических оккультных трансформаций:
славянские археологические культуры и этнополитические процессы*

Гуннское нашествие как фактор дестабилизации привело к разрушению торговых путей (знаменитого «янтарного пути», путей по Днепру и Дону), упадку городов и кризису римского влияния в Причерноморье. Эти процессы привели к миграции аланов, готов и сарматов в рамках Великого переселения народов, что означало начало общности черняховской культуры. Последующие археологические культуры, ассоциируемые преимущественно со славянами – пражская и пеньковская (соотносимая с антами), представляли уже гораздо более однородные в этническом плане сообщества. В.В. Седов отмечает развитие славянской керамики пражского типа из пшеворской, додуннского периода, тем самым удревняя становление славянского этноса (Седов, 1979: 67). А.В. Черенцов отмечает, что «славянская принадлежность пшеворской культуры или ее части оказывается крайне проблематичной» и В.В. Седов излишне полагался на археологию в вопросах, касающихся определения этноязыковой идентичности (Чернецов, 2021: 271). Относящиеся по одной из версий к славянам анты, по мнению М.В. Любичева, это не обозначение конкретного славянского этноса, а

скорее территориальное понятие (Любичев, 2019: 191). И.П. Русанова рассматривает пеньковскую культуру как сложное явление, состоящее из нескольких компонентов, что указывает на разнородный этнический состав еёносителей. В частности, она отмечает наличие элементов «салтовской культуры и материалов типа Корчак и Луки Райковецкой» (Русанова, 1973) в культуре пеньковских памятников (Русанова, 1976: 103). Это позволяет некоторым исследователям предположить, что среди населения, связанного с пеньковской культурой, были представители ираноязычных групп сарматов. Но наличие археологических материалов, относящихся к иным культурам, в данном случае стоит рассматривать как возобновление торговых связей после уничтожения нашествия. М.Б. Щукин отмечает, что «цикл раннеславянских культур» совсем не напоминал предшествующую черняховскую культуру, что подтверждает смешанный состав её представителей и несформированность образованной славянской общности на том историческом этапе (Щукин, 1999: 90). Немало важным фактором освоения славянами новых земель стало нашеествие варваров. Часть славян была разгромлена и попала в зависимость, что привело к миграции в Балканы в поисках благоприятных условий. На северо-западе упомянулись славянские племенные союзы благодаря торговле через Балтийское море. Равнинный коридор Северного Причерноморья ещё долгое время оставался во власти кочевников: хазар, печенегов, половцев, определяя ранний характер отношений со славянами под угрозой набегов степняков.

* *

Вышеописанные процессы привели на некоторое время к опустошению лесостепной зоны Поволжья. В результате сформировался «культурный вакуум». В.В. Седов отмечает, что славяне подверглись ассимиляции в римское время, а вышли из историческую сцену крепким этноязыковым массивом, вероятно, включивши в себя «некоторые неславянские племена» (Седов, 1979: 43). Повседневная консолидация славянских племён представлена появлением трёх раннегосударственных объединений: Кувавии, Славии, Арсании. Взаимодействие с норманнами означало объединение славянских и скандинавских культур (Перун–Тор), что послужило основой военно-политических союзов. Нордуннский компонент оживлённо вливался в славянское культурное пространство за счёт своей малочисленности. Тем самым он не оставил значительных следов своего нахождения среди славян в области материальной культуры. Топонимические легенды и этногенетические мифы, как маркеры культурно-интеграционных процессов, заслуживают в дальнейшем отдельного изучения. Весомую роль играла эволюция социальной организации от родоплеменных структур к раннегосударственным институтам (княжеская власть, дружина). Немало важным аспектом в складывании племенных союзов стала изолированность славян. Долгое время славянская общность, особенно восточная её часть, находилась в окружении всё новых волн кочевников: гуннов, аваров, булгар, что с одной стороны способствовало независимому развитию, а с другим

гой ставило под угрозу разорения и потери идентичности. Оставался канал культурного обмена на севере, через Балтийское море с норманнами, что предопределило истоки становления Древнерусского государства на Пироге.

Как итог, нашествие гуннов стало переломным этапом, ожившим античные полиэтнические структуры, но создавшим условия для доминирования славян. Утверждение этнического самосознания, культурный синтез славянских племён с норманнами и угроза на юге со стороны кочевников заложили основу возникновения Киевской Руси. Славянская общность, склонившаяся с иранской и тюркской угрозой ассимиляции, смогла выстоять как самостоятельный этнический компонент. Легенды и хроники X–XI вв. служат доказательством осознания славянами общего происхождения, что способствовало политической консолидации. Гуны спровоцировали переселение варварских племён, уничтоживших Рим. Освободившиеся земли заселили славяне вплоть до р. Эльбы на западе, создав самобытную культуру. Доих пор ощущение Центральной Европы (Германия, Австрия) и обозначение славянскими языками структурами (окончания наименований географических объектов на -iz, -ic, -ow со славянскими корнями, названия таких городов как Берлин, Лейпциг, Дрезден и др.), а вместе с тем сохраняет память о тех временах эти окультурного доминирования в регионе до германской экспансии и лозунги «Drang nach Osten» ("Дранг на Остен"..., 1967) («Натиск на Восток») в высоком средневековье.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

«Дранг на Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. [Материалы Симпозиума. 20–23 апр. 1966 г.] / АН СССР. Ин-т славяноведения [Отв. ред. В.Д. Королюк]. М.: Наука, 1967.

«Великая Авария» отложше, Руси и их соседях XI–XIII вв.: (Перевод и комментарии) / Под ред. Е.А. Янина; Сост. Л.Л. Голова, Н.И. Щавелева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

Алексеева Т.И. Антропологический состав восточнославянских народов и проблемы их происхождения. Автореф. дисс. канд. докт. истор. наук. М., 1969.

Артемонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.

Баран В.Д. Черняховская культура в междуречье Верхнего Днестра и Западного Буга в свете новейших исследований. Б.м., 1970. С. 7–14.

Бартольд В.В. Арабские известия о русах // Советское востоковедение. 1940. Т. I. С. 15–50.

Березовец Д.Т. Черняховская культура и культура славянских племен VI–VIII вв. Б.м., 1970. С. 15–17.

Большаков О.Г. Ал-Истахри – Ибн Хаукалъ // История татар с древнейших времён. Т. II. Казань, 2006. С. 745–752.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.

- Геродот. История / пер. Г.А. Стратановского; под ред. А.А. Губера. Л.: Наука, 1972.*
- Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна / Пер. с англ. Ф.С. Капицы. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.*
- Зиньковская И.В. Королевство Германариха в истории Восточной Европы IV в. Автограф. дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 2011.*
- Зосим. Новая история. Перевод, комментарий, указатели Н.Н. Болотова. Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 2010.*
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica / Вступительная статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скржинской. М.: Издательство восточной литературы, 1960. (Серия «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы»).*
- Карасик А.М. К вопросу о третьем центре Руси // Исторические записки 1950. Т. 35. С. 304–305.*
- Кирсанов Е.В. Историография локализации трех центров русов восточных авторов // Гуманитарные и юридические исследования. 2010. №4. С. 62–72.*
- Кодзоев Н.Д. Краткий очерк истории алан. Нагаево, 2016.*
- Кузнецов В.А. Очерки истории алан: 2-е изд. дополн. Владикавказ: МИА, 1992.*
- Любичев М.В. Ранняя история днепро-днестровской степи IV–V веков. Дарьков, 2019.*
- Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды / Под ред. Г.В. Глазыриной и Т.Н. Джаксон. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011.*
- Петрухин В.Я. Русь в IX–X веках: от признания варягов до выбора веры. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014.*
- Повесть временных лет / Сост., примеч. и ук. А.Г. Кузьмина, В.В. Фомина; Вступ. ст. и перевод А.Г. Кузьмина; Отв. ред. А.А. Чатонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014.*
- Русанова И.П. Славянские древности VI–IX вв. Между Днепром и Западным Бугом. М.: Наука, 1973.*
- Русанова И.П. Славянские древности VI–VIII вв. М.: Наука, 1976.*
- Рыбаков Б.А. Геродот о Скифии. Историко-географический анализ. М.: Наука, 1979.*
- Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1994.*
- Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.*
- Студенцов А.Ф. Тайна происхождения Древней Руси. Ростов н/Д.; СПб.: Феникс, 2006.*
- Татищев В.Н. Книга 2: История российская с самых древнейших времён / В.Н. Татищев. [Б.м.]: Печатано при Императорском Московском Университете, 1773.*
- Тиханова Г.А. Специальных вариантов черняховской культуры // Советская археология. 1957. № 4. С. 182–194.*
- Толочкин П.Н. Откуда пошла Русская земля. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2023.*
- Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Л.: Наука, 1970.*
- Удалов А.Д. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. // Советская этнография. 1946. №2. С. 41–52.*
- Феофилакт Симокатта (III в.). История / Пер. с греч. проф. С.И. Кондратьева; Лит. обработка, перевод и примеч. канд. ист. наук К.А. Осиповой; Отв. ред. и вступ. статья чл.-кор. АН СССР Н.В. Пигуловской. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957.*
- Чернецов А.В. Проблемы археологической славистики и отдел славяно-русской археологии Института археологии РАН // Мир Средневековья. Познавая прошлое. М., 2021. С. 259–289.*
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972.*
- Щукин М.Б. Феномен черняховской культуры эпохи Константина – Констанция, или что такое черняховская культура? // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 1999. №4. С. 66–101.*

Shidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen, München, 1934.

REFERENCES

- “Drang nach Osten” and the historical development of the countries of Central, Eastern and South-Eastern Europe (1967). Proceedings of the Symposium. April 20–23, 1966. USSR Academy of Sciences, Institute of Slavic Studies. V.D. Korolyuk (ed.). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Alekseeva T.I. (1969) *Anthropological composition of the East Slavic peoples and problems of their origin*. Abstract of Diss. Doctor Hist. Sciences. Moscow. (In Russ.)
- Artamonov M.I. (1962) *History of the Khazars*. Leningrad: State Hermitage Museum Publ. (In Russ.)
- Baran V.D. (1970) *The Chernyakhov culture in the confluence of the Upper Dniester and the Western Bug in the light of recent research*. B.m.: 7–14. (In Russ.)
- Bartold V.V. (1940) Arab news about the Rus. *Moskovskoe vostok v edenie* [Soviet Oriental Studies]. Vol. 1: 15–50. (In Russ.)
- Berezovets D.T. (1970) *The Chernyakhov culture and the culture of Slavic tribes of the 6th–8th centuries*. B.m: 15–17. (In Russ.)
- Bolshakov O.G. (2006) Al-Istakhri – I. Khayal. In: *History of the Tatars from ancient times*. Vol. 2. Kazan: 745–752. (In Russ.)
- Chernetsov A.V. (2021) Problems of archaeological Slavic studies and the Department of Slavic-Russian Archaeology of the Russian Academy of Sciences Institute of Archaeology. In: *The world of the middle ages. Learning about the past*: 259–281. (In Russ.)
- Gaydukevich V.F. (1949) *Bogorod Kingdom*. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russ.)
- Gimbutas M. (2007) *Slavs: Sons of Perun*. Transl. from English F.S. Kapitsa. Moscow: Tsentrpoligraf Publ. (In Russ.)
- Great chronicle about Perun, Rus' and their neighbours of the 11th–13th centuries* (1987). V.L. Yanin (ed.). Moscow: Moscow University Publ. (In Russ.)
- Herodotus (1972) *History*. Transl. G. S. Staniovsky; A.A. Guber (ed.). Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.)
- Jordanes (1970) *On the origin and deeds of the Getae. Getica*. Preface, transl., comm. by E.Ch. Skrzhinsky. (Series “Monuments of Medieval History of the Peoples of Central and Eastern Europe”). Moscow: Publishing House of Oriental Literature. (In Russ.)
- Karasik A.M. (1950) On the question of the third center of Rus'. *Istoricheskie zapiski* [Historical Records]. Vol. 35: 304–305. (In Russ.)
- Kirilenko V. (2018) Historiography of the localization of the three centers of Rus' by eastern authors. *Гуманитарные и юридические исследования*. [Humanities and Law Research] No. 4: 62–72. (In Russ.)
- Kodzoev N.D. (2016) *Brief outline of the history of the Alans*. Magas. (In Russ.)
- Kulikov V.A. (1992) *Essays on the history of the Alans*. 2nd ed. Vladikavkaz: Ir Publ. (In Russ.)
- Kryuchikov M.V. (2019) *Early history of the Dnieper-Donets forest-steppe in the 1st–5th centuries*. Kharkov. (In Russ.)
- Melnikova E.A. (2011) *Ancient Russia and Scandinavia: Selected works*. G.V. Glazirinoi, T.N. Dzhakson (eds.). Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science. (In Russ.)
- Petrushkin V.Ya. (2014) *Rus' in the 9th–10th centuries. From the calling of the Varangians to the choice of faith*. 2nd ed. Moscow: FORUM; NEOLIT Publ. (In Russ.)

- Rusanova I.P. (1973) *Slavic antiquities of the 6th–9th centuries between the Dnieper and the Western Bug*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Rusanova I.P. (1976) *Slavic antiquities of the 6th–7th centuries*. Moscow: (In Russ.)
- Rybakov B.A. (1979) *Herodotus's Scythia. A historical and geographical analysis*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Rybakov B.A. (1994) *Paganism of the ancient Slavs*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Schmidt L. (1934) Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen. München. (In Germ.)
- Sedov V.V. (1979) *Origin and early history of the Slavs*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Shchukin M.B. (1999) Phenomenon of the Chernyakhov culture of the era of Constantine – Constantius, or what is the Chernyakhov culture? *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya* [Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology]. No. 4: 66–101. (In Russ.)
- Shelov D.B. (1972) *Tanais and the Lower Don in the first centuries AD*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Studentsov A.F. (2006) The secret of the origin of ancient Rus'. Rostov-on-Don; St. Petersburg: Feniks Publ. (In Russ.)
- The Tale of Bygone Years* (2014). Comp., transl., indexes by A.G. Kuz'min, V.V. Fomin; pref. by A.G. Kuz'min; O.A. Platonov (ed.). Moscow: Institute of Russian History Publ. (In Russ.)
- Tatishchev V.N. (1773) *Book 2: Russian history from the earliest times*. V.N. Tatishchev. [B. m.]. Printed at the Imperial Moscow University. (In Russ.)
- Theophylact Simocatta (1957) *History*. Transl. from Greek by S.P. Kondratiev; lit. ed. by K.A. Osipova; eds. by N.V. Pigulevskaya. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russ.)
- Tikhanova M.A. (1957) On local variants of the Chernyakhov culture. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology]. No. 4: 178–194. (In Russ.)
- Tolochko P.P. (2023) *Where the Russian Land came from*. Moscow: A. Solzhenitsyn House of Russian Expatriate Community. (In Russ.)
- Tretyakov P.N. (1980) *The origins of the Old Russian people*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.)
- Udal'tsov A.D. (1946) Tribes of Europe. Carnatia in the 2nd century AD. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. No. 2: 47–50. (In Russ.)
- Zinkovskaya V. (2010) *Kingdom of Ermaneric in the history of Eastern Europe in the 4th century*. Abstract of Doctor Hist. Sciences. (In Russ.)
- Zosimus (2010) *New history*. Transl., comm., indexes by N.N. Bolgov. Belgorod: Belgorod State University Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Манаширов Даниил Игоревич, студент бакалавриата, Пятигорский государственный университет (357500, пр-т Калинина, 9, Пятигорск, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0008-2314-3916>; e-mail: daniilpaleontolog@yandex.ru

About the author: Daniil I. Manashirov, undergraduate student, Pyatigorsk State University (9 Kalinin Avenue, Pyatigorsk 357500, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0008-2314-3916>; e-mail: daniilpaleontolog@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 25.07.2025

Доработана после рецензирования / Revised 25.08.2025

Принята к публикации / Accepted 10.09.2025